

Если бы меня спросили, что может быть не символом — нет (символы холодны и пафосны), — но выраженьем «лица» Хабаровска, я бы кроме щедрого солнца, Амурского берега с Утесом и чудесными музеями назвала Театр юного зрителя. Когда-то очень давно нахальная журналистка-практикантка из большого театрального города пришла в хабаровский ТЮЗ — написать заметку про театральные цеха. Ей не препятствовали — правда, вежливо поинтересовались, видела ли «акула пера» какие-нибудь здешние постановки? Акула, так и быть, согласилась предварить работу над своим будущим выдающимся текстом просмотром спектакля. Это оказался «Дракон» в постановке Сергея Таюшева.

Той самоуверенной практиканткой была я. Хабаровский ТЮЗ тогда помог легко справиться с моим маленьким внутренним дракончиком и влюбил в себя навсегда. И теперь своих нечастых гостей я стараюсь привести в этот театр — пусть увидит хабаровского «лица» необщее выраженье... Пусть поплачет и посмеется. И выйдет из зала, став мудрее и чище. И его календарный возраст тут не будет — простите за каламбур! — играть существенной роли.

КУДА ВОСХОДИТ «ДЕТСТВО»?

Если вы думаете, что «проходили» Толстого в школе, а кто-то даже и в институтах-университетах, — ошибаетесь: вы к нему только подходили. В минувшем году я к нему ПРИШЛА. Я и не предполагала, что Лев Николаич настолько ЭКЗИСТЕНЦИАЛЕН! Чтобы понять это, надо было прийти на спектакль хабаровского ТЮЗа по сто раз читаной-перечитанной повести «Детство». Про знаменитую зеленую палочку и «муравейных» братьев я теперь не столько думаю (как же, нас учили: это ж та самая толстовская философия!), сколько ЧУВСТВУЮ.

Я все три с лишним часа провела в океане чувств, которые родом из детства.

Интересная штука, это самое детство: оно абсолютно вневременно и даже НАДвременно. Потому что нелинейно и несюжетно, потому что состоит из мгновений: первого вселенского одиночества, первых радостей влюбленности, первых ощущений несправедливости, жалости, невероятного счастья и — окончания самого себя тогда, когда не станет мамы...

В тюзовском «Детстве» много игр со временем и часами — и все эти «ружья» стреляют, причем порой убивают наповал. Детству не хватает привычных и банальных пространств — и театр расширяет его, этого пространства, границы до бесконечности. Детству вместе с тем огромен весь мир, как муравью, для которого тоненькая хворостинка — огромное бревно.

Детству мало человеческой речи — и оно жужжит мелкой мушкой и поет птицей. Оно кричит от сладкого ужаса в темном чулане и немеет от непонимания....

Я шла на тюзовское «Детство» не без сомнения: как толстовскую прозу — это с ее-то «периодами» на полстраницы — и на сцену? И оказалось, что она абсолютно сценична. Ты сидишь и получаешь величайшее удовольствие, настоящее наслаждение от роскошного языка в исполнении прекрасно владеющих сценической речью артистов. Невероятное дело — в наше время поголовно не умеющих не то что выразительно, а и вообще говорить по-русски сериальных актеров!

Ты плачешь и смеешься, ты радуешься и огорчаешься — и это все так рядом, так тесно переплетено, как это бывает только в детстве.

А потом едешь по заснеженному городу XXI века и понимаешь, что со времен Толстого в ДЕТСТВЕ по БОЛЬШОМУ СЧЕТУ ничего не изменилось...

Жюри драматического театра и театра кукол удостоило хабаровский спектакль специальной премии «Золотая маска» по итогам театрального сезона 2016–2017 годов — «За тонкое и сценически выразительное прочтение повести Льва Толстого «Детство» средствами целостного актерского ансамбля».

Как написал один из театроведов, «в камерном спектакле Хабаровского ТЮЗа размеренная проза Толстого превращается в мерцающий поток сознания. Вместе с четырьмя персонажами зритель погружается в пространство памяти, где философские рассуждения и ожившие эпизоды из детства героя наплывают друг на друга как кадры в анимации Юрия Норштейна (даже кажется, что грустный волчок из «Сказки сказок» должен стоять за шкафом)».

Спектакль Хабаровского театра юного зрителя «Детство» по одноименной повести Льва Толстого был заявлен на самую престижную театральную премию страны в четырех номинациях: драма/спектакль малой формы; драма/работа режиссера (Константин Кучикин); драма/мужская роль (Виталий Федоров); драма/работа художника (Катерина Андреева, Павел Оглуздин). А получил, на мой взгляд, еще более уникальную награду: специальную премию жюри драматического театра и театра кукол «За тонкое и сценически выразительное прочтение повести Льва Толстого «Детство» средствами целостного актерского ансамбля».

Судя по тому, какой высокой нотой отзывается эта постановка в сердце зрителя, театру покорились очень тонкая струна.

«И КОРАБЛЬ ПЛЫВЕТ»

Если вы все еще позволяете себе делить людей на плохих и хороших, если палитра, которой вы пользуетесь, «расцветившая жизнь», ограничивается парой-тройкой красок, если на извечные русские вопросы «кто виноват?» и «что делать?» у вас всегда с легкостью находится категоричный ответ, вам просто необходимо посмотреть на сцене Хабаровского ТЮЗа спектакль «Вдовый пароход» (по повести Грековой и пьесе Лунгина).

Если вам повезет увидеть на тюзовской сцене «Вдовый пароход», вы поймете, что для разговора о высоком не нужны пафосные слова. Вы поймете, что о любви и долге, о войне и мире, о матери и сыне можно рассказать одну из тех простых историй, коих за закрытыми дверями послевоенных советских коммуналок вершилось множество.

Если вам повезет пережить по этому поводу настоящее — до сердечного спазма! — страдание, вы постараетесь привести на спектакль подростка-сына или выкидывающую «номера» переходного возраста дочку. Потому что какие-то основополагающие вещи наши дети должны узнать, пережив их. И если пережить их в театре, то — кто знает? — не станет ли в нашей реальной жизни меньше реального горя?

Во «Вдовьем пароходе» нет главных героинь. Все вдовы, скажу так, похожи друг на друга — но несчастливы по-своему. Хотя...

Капа Гущина, старшая по сюжету героиня в потрясающем исполнении Татьяны Гогольковой, — наверное, та точная «нота», которая задает верный тон всему происходящему. Вы обязательно полюбите и ее, и всех этих битых жизнью и смертью женщин, собранных на «вдовьем пароходе» послевоенной коммуналки. Вы даже ершистого сына этого «полка» полюбите. («Я сволочь?» — спрашивает он одну их вдов. «Нет, — отвечает та. — Несчастный человек не может быть сволочью».)

Вы пожалеете его. Вы пожалеете их всех — с их «неодноцветными» мыслями и поступками. А на женском языке это и есть — любить....

...Кто-нибудь время от времени начинает сомневаться в уровне театрального искусства в Хабаровске — дескать, куда нам, дальневосточной провинции, до центральной России, где и возможности, и конкуренция (в том числе творческая) выше, потому и для зрителя тамошний театральный «климат» гораздо благоприятнее. «Насмотренного» театрала, мол, этим не удивишь. Подозреваю, они просто мало что видели в хабаровском ТЮЗе. Как та нахальная студентка...

